

«Уникальная черта нашей культуры — многонациональность. О ней мы часто и привычно говорим, но, кажется, еще не вполне научились ценить». Это из речи М. С. Горбачева на февральском Пленуме ЦК. Вдумаемся в смысл этого откровенного замечания («еще не вполне научились ценить») и в смысл далее сказанных слов: «Источник нашей силы — в свободном развитии национальных культур, обогащенных духовным опытом братских народов и всего человечества».

В статье говорится о трех постановках Киевского театра им. И. Франко. Однако в данном случае автора занимают не рецензентские оценки. Речь о современном лице украинского театра, о характерных чертах этого лица, о добрых и тревожащих тенденциях театральной жизни в контексте духовного бытия нашего народа.

МНОГО это или мало: три из полутора десятков постановок текущего репертуара?

Франковскую афишу можно условно разделить на две части. В первой — спектакли, если можно так сказать, союзного значения, западающие в зрительскую душу надолго и как бы приоткрывающие завесу над будущим театра. Спектакли-праздники. А во второй — продукция хоть и не потрясающая сердца, но добротная, достойно удовлетворяющая повседневный спрос.

«Визит старой дамы» Ф. Дюрренматта. Обращение режиссера С. Данченко к пьесе крупного европейского мыслителя симптоматично в том смысле, что достижения украинского театра в освоении зарубежной драмы крайне скромны.

Неблагодарное занятие — разгадывать замыслы художника. Но, думаю, не ошибемся, предположив, что С. Данченко сознательно поставил перед коллективом задачи, превосходящие (судя по прошлому) его возможности. Это были жесткие, но, как показал результат, оптимальные условия, высвободившие неразгаданные ранее потенции актеров. Сверхусилия — а можно ли сегодня достичь успеха в театре иначе? — и привели к сверхнеожиданным для зрителей последствиям.

Искусство актеров предстало в новом качестве. Н. Копержинская, Ю. Ткаченко, С. Олексенко, С. Станкевич сыграли свои лучшие роли. Н. Заднепровский, А. Петухов, М. Крамар заявили о себе как о первоклассных мастерах. Применили им эпитеты высшего достоинства — и это не будет выглядеть преувеличением.

Произведение, восходящее к мифу (моделируется ситуация,

когда требуется принести в жертву одного человека ради всеобщего благоденствия), раскрывается как модель современного мира, в котором испытывается на прочность человеческая мораль. Это больше чем победа режиссера в одном спектакле. Прорыв брешь, сделан важный шаг в освоении территории философского театра. И подчеркнем еще раз: поднят потенциал возможностей труппы.

Впервые за много лет театр имени И. Франко предстает в европейском общекультурном контексте.

ПОСЛЕ «ВИЗИТА» не должно удивлять высота требований к театру, рискующему обратиться к произведению, прочно вошедшему в наш духовный обиход, а именно к «Мастеру и Маргарите».

Риск, собственно, был в одном: у каждого читателя-зрителя живет в сознании — уже более двадцати лет — «свой» спектакль. Оттого особая пристрастность к сторонним прочтениям. Идут, на франковскую постановку, чтобы сопереживать и сравнивать.

Этот, можно сказать, обреченный на популярность, но далекий от популяризаторства и упрощенчества спектакль (постановка И. Молоствовой), особенно убедителен в воплощениях Мастера Б. Ступкой и Воланда А. Хостиковым, а

также в метафорике сценического решения А. Чечика.

Не утихают интеллигентские споры вокруг спектакля. Источные булгаковеды предъявляют требования более органического слияния реального и inferнального пластов действия. Возникла полемика о том, что духовная биография М. Булгакова распространяется не только на судьбу Мастера, как это явствует из сценического построения.

Ширинство украинских периферийных трупп на глазах превращаются в артели многоумельцев. Все умеют делать все. Но понемногу. Умеют напевать, пританцовывать, играть словом. И ничего конкретно (ни в отдельности, ни в сочетании) на уровне современных требований к театру. И, как неминуемое последствие, классический музыкально-драматический спектакль вырождается в рутинный дивертисмент. Этакое

национальной драматургии в глазах общественности подупал.

Напомним: высшим достижением сегодняшнего творчества франковцев стали пьесы швейцарского и русского советского писателей, инсценизация украинского классика. Можно назвать еще несколько спектаклей, тяготеющих, с известными оговорками, к этому уровню. Но среди них — ни одной современной украинской пьесы!

Появилась лучшая в публицистическом и оригинальная в жанрово-стилевом отношениях пьеса последних лет — «Аукцион» М. Гараевой — и сразу же заняла подобающее место в репертуаре. Хотя претендовать на «золотой фонд» она, увы, не может.

А между тем в двери театра стучится не одно поколение драматургов.

ДАВАЙТЕ, однако, разберемся, кто и зачем стучится.

«Еретиком» А. Крыма, как бы созданным специально для Б. Ступки.

Быть может, есть смысл периодически устраивать публичные — на труппе — чтения и обсуждения пьес молодых украинских драматургов?

СПРАВЕДЛИВОСТИ ради отметим, что в последнее время предпринимаются энергичные шаги по сближению украинской драмы и сцены. В Министерстве культуры УССР рассматривается вопрос о ежесезонном стимулировании режиссеров, рискнувших обратиться к первопрочтениям современных украинских пьес. Союз театральных деятелей планирует провести трехгодичный фестиваль подобных первопрочтений.

Думается, однако, что усилий одних театральных деятелей будет недостаточно. В деле национально-культурного развития (а именно в этом контексте мы рассматриваем взаимоотношения сцены и драмы) требуется консолидация сил всей художественной интеллигенции, в первую очередь — Союза театральных деятелей и Союза писателей Украины, где обе заинтересованные стороны разделят и равную ответственность за литературную и сценическую стороны театрального процесса.

Конечно, потребуются и нелицеприятное выяснение отношений, и общие программы действий, и поиск новых форм творческого общения.

Все, кажется, это понимают. Но как только доходит до дела, не срабатывают какие-то сочленения в шестеренках и продолжается прежнее: театры сетуют на низкий уровень драматургии, драматурги — на непонимание их театрами. Тем пока и кончается.

Разговор о франковцах, как видите, вышел на вопросы общекультурного развития. А им несть конца. Что же касается театра, являющегося флагманом украинской театральной эскадры, то он движется магистральной дорогой. Двигается, не сближаясь доступностью обочины, но и не обманываясь относительно трудностей дороги. Двигается — глядя правде в глаза.

Р. КОЛОМИЕЦ.
Кандидат искусствоведения.

ПРОРЫВ К ИСТИНЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЦА УКРАИНСКОГО ТЕАТРА

Все это так. Но сказанное не столько констатирует изъясны, сколько свидетельствует о возможностях роста, развития спектакля.

ОСОБОЕ МЕСТО в программном ряду творчества франковцев предопределено «Энеиде». Этот давно вынашивавшийся замысел (в нем С. Данченко выступает и как постановщик, и, совместно с И. Драчом, как инсценировщик) имел далекий прицел. Театральная транскрипция поэмы, перевод ее в жанр бурлеск-оперы (музыка С. Бедусенко) должны были дать если не ответ, то во всяком случае объемную постановку проблемы: что есть национальное в современном украинском театре?

Задача, на первый взгляд, непосильная для одного спектакля. Но, по размышлению, вполне реальная в данном случае. Если Иваном Котляревским была задумана передача из прошлого в будущее общечеловеческих духовных ценностей в их национальном проявлении, то почему бы театру, обратившись к «Энеиде», не разобраться в своей национальной подлинности?

Энергия спектакля плещет через край. Она направлена на переоценку укоренившихся представлений о национальной специфике украинского театра. А вопрос — наболелый. Не уйти от того, что сегодня боль-

театральное хуторянство. Не впервые приходится об этом говорить и писать. Но выход из положения действительно непрост.

В «Энеиде» педантичного ревнителя канонов шокирует примат зрелищности над самоценным словом. Возможно, шокирует микрофонное пение (это в украинском-то спектакле!). Пусть так. Но ведь на полемику и рассчитано!

Предложена альтернатива сценическому застою на важнейшем участке утверждения национально-культурной самобытности.

Перед нами украинское шоу? И прекрасно! Но перед нами также — художественное исследование народного национального мироощущения, художественное воссоздание особого строя души народа. И тем ценнее труднодоступные зерна истины.

СЕГОДНЯ поиски франковцев обретают объективную значимость для всей украинской сцены. Само их продвижение в театральный поток рассматривается в масштабном социально-культурном аспекте. Это же, впрочем, касается и трудностей продвижения. Ни для кого не секрет, что отношения украинской сцены и современной украинской драматургии далеки от благополучия. Доля украинских пьес в репертуаре невелика, престиж

Что, кроме и после «Дикого Ангела» А. Коломийца, удержалось в афише? Практически все поставленное ушло — это в лучшем случае — в разряд добротной, но не потрясающей сердца продукции.

В 60—70-е годы франковскую афишу наводняли пьесы двух-трех драматургов (других как бы не существовало), попадавшие на сцену чуть ли не автоматически. Но кто помнит сегодня хотя бы названия этих пьес?

Сейчас вопрос качества становится определяющим при выборе репертуара. (Пришло время упомянуть об эксперименте, в котором участвуют франковцы, когда, приобретая большую самостоятельность, театр становится и более зависимым от зрителей, и более чутким к ним). Однако, отказавшись от компромиссных отношений с драматургией и драматургами, театр не возмещает образовавшихся лакун в важнейшей репертуарной зоне. Один бесспорно удавшийся спектакль на малой сцене — «Память» по Б. Олейнику (постановка М. Нестантинера) — погоды не делает.

Здесь все неоднозначно, и потому одними упреками да призывами не обойтись. Я затрудняюсь назвать хотя бы одну выделяющуюся из общесреднего ряда пьесу украинского писателя, отвергнутую

Отряд пишущих для украинской сцены чрезвычайно разномасштабен. Одни уже миновали пик творческой формы. Другие, интересно заявив о себе, еще не достигли должного уровня. Третьи, не дождавшись большой сцены, перегорели. Но нельзя же, согласитесь, ставить одних за их бывшие заслуги, других — как подающих надежды, а третьих — в качестве компенсации за бывшие передергивания.

И все же возможности репертуарных поисков не исчерпаны.

Нет, в украинской драматургии, в отличие от русской, не произойдет реабилитационного процесса — нет у нас в запасниках пьес, которые раньше нельзя было ставить, а теперь пришло их время. Но мы до сих пор не перешли от слов к делу в создании Театра Кулиша, Театра Кочерги, Театра Микитенко. И кому, как не франковцам, сказать здесь свое веское слово?

Требуют внимания и опыты молодых драматургов. Более внимательного взгляда заслуживают, скажем, дарование В. Тимченко (и франковцы, кажется, уже заинтересовались его «Пирамидой Хеопса»), крепнувший от пьес к пьесе талант В. Босовича, оригинальная драматургическая интонация В. Кишеля. Думается, театру стоит познакомиться с